

Белая птица

Любовь Бурнашева

Любовь Бурнашева

Белая птица

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68630382

SelfPub; 2023

Аннотация

Жестокость порождает безумие, безумие порождает жестокость. А если к безумию и жестокости добавить жажду наживы денег, то эти три элемента порождают монстра в человеческом обликии.

Любовь Бурнашева

Белая птица

С ослепительно-голубого, до боли бьющего светом по глазам неба, камнем падала белая птица. Изломанные крылья безвольно болтались вдоль тела. Перья свистели и трещали в потоках воздуха и смешиваясь с приглушённым криком. Крик постепенно нарастал, переходил в пронзительный разрывающий перепонки визг. И в это время Алиса просыпалась от собственного, рвущегося из её горла крика. Она тут же прижимала ладони ко рту, заглушая его и с ужасом осматривала комнату. Она знала, что это просто сон и боялась не птицы, а пьяной матери, ведь та разбуженная её криком могла и треснуть по голове и наорать. Алиса, прислушиваясь к храпу матери из соседней комнаты, прижимая колени к груди сжалась в комок. Положив на них подбородок, она начала раскачиваться, убаюкивать и успокаивать себя, всматриваясь через окно на ночную улицу. Штор на окне не было и фонарь перед домом бил лучом прямо в стену. Причудливые тени от веток росшего за окном тополя, от грязного, в мутных разводах стекла расплывались по стене. Успокоившись, Алиса леглась и разглядывая стену, придумывала на что похожи эти тени, но постепенно они теряли очертания, и она засыпала. Этот сон с птицей впервые приснился, когда ей было пять лет. Рано утром прибежала дворничиха и сказала

матери, что нашла её мужа, замершего насмерть недалеко от дома. Он ночью пошёл за бутылкой, а обратно не смог дойти, уснул на скамейке и замёрз. Алиса стояла, спрятавшись за соседку и смотрела, не понимая, почему отец такой скрючившийся и лицо белое. Когда его подняли и перелаживали на носилки раздался скрип, непохожий ни на что, скрип замёрзшей кожи. С тех пор прошло десять лет, а она помнит и скрип, и лицо отца с заострившимся носом и белыми губами. В ту ночь она впервые увидела во сне белую птицу и проснулась от своего крика. Но мать не пришла её успокоить, она валялась пьяная в соседней комнате. И никогда не приходила успокаивать. Только могла кричать и бить. После похорон отца в доме стали появляться разные чужие мужики, некоторые задерживались и жили у них, но мать постоянно орала и скандалила, и они исчезали. Зато тех, кто приходил просто выпить с каждым разом прибавлялось. В последнее время к ним зачастил дядя Серёжа, старый бородатый тип с масляными глазами. От него противно пахло луком, дешёвым табаком и перегаром. Он улыбался Алисе, а его глаза похотливо скользили по её маленькой, худенькой фигурке. Она в свои пятнадцать выглядела не старше тринадцати. Один раз он попытался усадить её к себе на колени и ласково совал конфетку, но его потные волосатые руки вызвали приступ тошноты, и она сбежала. Следом летел крик матери, что она обидела хорошего человека и чтоб не приходила домой и чтоб её сожрали бездомные собаки. С тех пор стоит уви-

деть, как к ним нетвёрдой походкой направляется дядя Серёжа, она вылезала в окно и убегала. Хорошо, что квартира была на первом этаже. Теперь возвращаясь поздно вечером домой, она сначала заглядывала в окна и если, он ещё был у них, то поднималась на пятый этаж и залезала на чердак. У неё тут был свой уголок. Старый матрас, сломанный столик и свечка. Зимой она уходила к тётке, сестре отца. Та звала её к себе совсем, даже удочерить хотела. Но Алиса сама отказалась. Тётка заставляет рано ложиться спать, уроки делать и ещё много чего, что Алисе не нравилось. Дома этого не требовали. К тётке она старалась приходит как можно реже, только когда была очень голодная или взять немного денег на тетрадки. От матери денег не дождётся, она получала за Алису пенсию по потере кормильца и пропивала всё с собутыльниками, а Алисе купит одну булочку и потом укоряет, что та много ест.

Сегодня была суббота. Дома мать гулянку устроила, день рождение своё празднует. Алиса хотела немного посидеть с ними и поесть жареную картошку с солёной селёдкой, но тут припёрся этот дядька и она, схватив кофту выскочила на улицу. Она погуляла по парку. Посидела возле фонтана. Мимо шли девочки и весело болтали. У Алисы заныло в груди. У неё не было ни одной подруги, никого кому можно рассказать, пожаловаться. В школе её вначале дразнили, обзывали. Она ходила в старой, порой рваной одежде. Вечно голодная. Но она могла за себя постоять. Злобным зверьком кидалась

на обидчиков, глаза бешено сверкали. Наносила удары маленькими твёрдыми кулачками по ненавистным физиономиям и постепенно все отстали от неё. Перестали замечать. Сама она не делала попыток подружиться и её обходили стороной. С соседскими девчонками и пацанами было так же. Замокнутая, с дерзким взглядом, она сама сторонилась людей. Все свои обиды и переживания хранила в себе и только забравшись на чердак, она рассказывала обо всём плюшевому медвежонку. Она нашла его в парке, кто-то забыл его на скамейке. С тех пор он стал её единственным другом и слушателем.

Стояли последние тёплые дни сентября. Струи фонтана били вверх и переливались на солнце. Алиса наклонилась через бортик к самой воде и опустила руки в прохладную прозрачную воду. Там лежало несколько монет, она их выловила, спрятала в карман. Обошла весь фонтан, но монет больше не было. Посчитала, на сосиску в тесте хватит. Она побродила ещё немного и пошла в парк. Возле выхода стоял павильон с выпечкой. Алиса села напротив него на лавочку и стала наблюдать за покупателями. Одни покупали и уходили, другие тут же у столиков ели. Некоторые недоедали и тогда она ждала, когда они уйдут и брала себе то, что они оставляли на бумажных тарелках. Доедать за другими она не считала чем-то плохим. Когда голоден так, что желудок скручивается, тут не до приличий. Иногда она просила купить ей что-нибудь, но редко, она долго выбирала по лицу такого чело-

века. Ещё раз пересчитала мелочь, сжала в руке, но потом решила не тратить и стала ждать, вдруг кто недоест и оставит ей. Начинало темнеть и немного похолодало, подул слабый ветер, зашелестел над ней жёлтыми сухими листьями. Алиса засунула руки в карманы и сжалась. Мимо прошёл мужчина, посмотрел на неё. Она краем глаза следила за ним. Он дошёл до конца аллеи и повернул обратно. Внутри у Алисы пробежал холодок, но от чего, от его взгляда, оценивающего её или от его мягкой, крадущейся походки. Стараясь не смотреть на него, лишь изредка кося глазами, она пинала носком кроссовка трещину на асфальте. Мужчина подошёл к павильону и что-то купил. Постоял и направился к Алисе.

– Составишь мне компанию? Не люблю один есть, – он сел рядом, открыл пакет и протянул гамбургер Алисе.

Она пожалала плечами и нехотя взяла, подумала – сам угощает, я его не просила. Горячая булочка с обжигающей котлетой таяли во рту и падая в желудок согревали озябшее от вечерней прохлады тело. Она косила глаза разглядывая доброго дядьку. Теперь он показался ей совсем не старый, лет тридцать наверно. Короткая причёска подчёркивала высокие скулы, его прямой нос был узок и длинноват. Он наклонился вперёд, упёрся локтями в колени и держа пальцами гамбургер, ел, лениво пережёвывая. Его красиво очерченные пухлые губы блестели от жира, и он временами проводил по ним языком. Алиса доела, вытерла руки и губы салфеткой, бросила её в урну. Мужчина выпрямился, пошарил в карма-

не рукой и вытащив купюру протянул её Алисе:

– Сходи купи мне кофе, а себе что хочешь.

Она с готовностью выхватила деньги и бросилась к павильону. Ему кофе, себе горячий шоколад. Вернулась, протянула ему стакан с кофе и сдачу. Он взял стаканчик, а на монеты лежавшие на ладони Алисы даже не взглянул. Она снова пожала плечами и ссыпала их себе в карман. Они звякнули, присоединяясь к уже лежавшим в кармане монеткам.

– Меня Сэм зовут. Тебя как? – он повернулся к ней и тёмные глаза вспыхнули огоньками.

– Алиса.

– Чё тут одна делаешь? Ждёшь кого?

– Ага, – Алиса потягивала ароматный напиток, – Друзей жду, – соврала она, – И парня своего.

Сэм недоверчиво оглядел её, его брови сначала поползли вверх, затем он их нахмурил, соединив на переносице.

– Тебе сколько лет?

– Пятнадцать.

Его брови опять удивлённо полезли на лоб. Ну, да, она не выглядит на пятнадцать, маленькая, худенькая, груди только начали расти, а короткая причёска делала её похожей на пацана. Но это издалека, вблизи же было видно по симпатичному лицу, что она девочка. Большие голубые глаза с пушистыми ресницами, маленький курносый нос. Сэм хотел что-то сказать, открыл рот, но резко встал и быстро пошёл к выходу. Алиса посмеялась над его непонятными поступка-

ми. Посидела ещё немного, допила шоколад и решила идти к тётке. Завтра воскресенье, она у неё сейчас помоеется и выпится в тишине.

Дождь закончился и согревая землю лучами в просветах между туч пробилось яркое солнце. Алиса шла из школы, домой идти не хотелось, и она села на свою любимую лавочку в парке. Сидела и смотрела на людей, на детей в колясках. Где-то играла музыка.

– Алиска! Вот где она, дура, сидит, – громкий окрик заставил её вздрогнуть, по аллее шла мать с каким-то мужиком, – Иди домой. Дома срач, а она прохлаждается. Чтоб всё убрала и вымыла, поняла, паршивка, и чтоб из дома ни ногой, приду проверю. Ишь, сидит.

Алиса уже убегала подгоняемая руганью матери. Она давно не реагировала на её крики, пропуская их мимо ушей. Сейчас вбегая в квартиру, радовалась, что наконец то никого дома нет. Бросила портфель на свою кровать. Переделась в джинсы и футболку. На кухне был полный бардак. Воняло перегаром и застоявшимся табачным дымом. Алиса открыла форточки. Сложила в пакет пустые бутылки, ссыпала окурки из банки, заменявшей пепельницу. Поставила пакеты с мусором возле двери и зашла в ванну. Поморщилась от вида и вони. Кто-то не дошёл до унитаза и его вырвало рядом с ним. Быстро собрала всё тряпкой, выбросила и её в мусорный пакет. Набрала горячей воды в ведро, вымыла полы во

всей квартире. Довольная зашла в свою комнату и напевая стала протирать подоконник. Подняла глаза и замерла. К дому шёл дядя Серёжа. Сердце у Алисы подскочило и застучало где-то в горле. Дверь! Я забыла запереть дверь! Поскальзываясь на мокром полу, она рванула к двери, впечаталась в неё плечом и прижимаясь со всей силы, прокрутила ключ на все обороты. Задыхаясь, опустилась на пол подпирая дверь спиной. Она прижала ко рту руки боясь, как бы он не услышал её дыхание. Тяжёлые шаги затихли за дверью. Повернулась ручка, мягкий удар в дверь. Тихое бормотание. Ещё раз надавил на дверь. Раздался звонок. Алиса зажала пальцами уши. Снова звонок. Громкая ругань. Удары кулаком по двери. Старая и хлипкая дверь задрожала. Открылась дверь у соседей и громкий мужской голос заполнил весь коридор:

– Мне что ментов вызвать? Покоя нет от алкашни. Что ты ломишься? Что стучишь?

Открылась ещё одна дверь и женский голос перекрывая мужской прозвенел:

– Только ребёнка уложила, а тут. Сколько можно, я вызываю наряд. Достали уже эти пьяницы.

Дядя Серёжа пробормотал:

– Я к Нинке пришёл.

– Нету твоей Нинки, умотала куда-то. Я в окно видела. Думала спокойно день проведём. А тут ты, урод, ломишься.

– Дак, я это, часы забыл. Думал дочка её дома.

– Никого нет, пошёл отсюда, пока с лестницы не спустил.

Двери соседей закрылись. Алиса прислушалась к затихающим шагам и облегчённо вздохнула. Ушёл. Поставила чайник, попила чай с засохшей баранкой. Послушала радио, какую-то песню. Телевизор мать давно пропила, а радио берегла, сама любила песни слушать и подпевать. Вспомнила, что дядька про часы говорил. Поискала их на кухне, в мамкиной комнате, но не нашла. Странно как-то всё это. Тревожное чувство закралось и дрожью пробежала по телу. Алиса накинула куртку, схватила пакеты с мусором и потихоньку приоткрыла дверь. В коридоре никого не было. Стараясь не греметь бутылками, она прокралась к выходу, выглянула из подъезда на улицу. Никого, только две бабки сидели на лавочке. Прижимаясь к дому, скрытая кустами, Алиса дошла до мусорки и размахнувшись забросила пакеты в контейнер. Звон разбитого стекла вспугнул стайку сидевших на тополе воробьёв. Они с шумом взлетели и сделав круг поднялись в небо. Алиса, задрвав голову смотрела им вслед, потом тем же путём пошла домой, но не дойдя до угла дома, услышала голос матери и ещё чей-то недовольный. На цыпочках подкралась и выглянула. Мать шла домой с тем же мужиком и с противным дядей Серёжей. Он зло смотрел на мать и что-то тихо ей выговаривал, крепко сжимая ей локоть. Мать, пытаясь вырваться оправдывалась перед ним. Алиса прислушивалась, но шум проезжающих машин, детские крики с площадки заглушали их разговор. Вот они зашли в подъезд, и

Алиса, вспомнив про открытые форточки, побежала к окнам на их кухне. Прижалась спиной к стене под самым окном она вся обратилась в слух. Открылась входная дверь.

– Алиска, ты где, паршивка? Нету что ли или спать зава-лилась? Я говорила тебе, что она дома должна быть. Алиска, сучка, спряталась что ли? – мать прошла по всей квартире, заглянула в ванну, – Правда нет. Ну не виноватая я, Серёжа, что она сбежала.

– Ты мне обещала, я и так уже сколько жду, – тихий гнев-ный голос был хорошо слышан Алисе, – Я тебе, в натуре, сколько денег за неё уже дал, а? Или возвращай деньги, или давай мне её.

– Где я тебе деньги возьму? Сам знаешь, нету. Да послу-шай, ну куда она денется то, всё равно придёт домой, и я запру её. Не отвертится, большая уже, пора отрабатывать жрачку.

– Слушай, Нинка, я тебе ещё заплачу, сколько скажешь, – голос дядьки лился в уши матери, – Но сначала понимаешь, сначала надо пробу снять. Это как с арбуза, вкусный, нет ли.

– Это я понимаю, – хохотнула грубо мать.

Предательство матери поразило Алису. Мать, её мать, продала её, свою дочь, этому вонючему мужику. Слезы пока-тились по щекам, и она бросилась бежать. Бежать подальше от подлой матери, подальше от своего дома. Обида и злость душили её. Не видя ничего, она бежала по парку.

Кто-то преградил дорогу и схватил её. Алиса забилась в

чьи-то цепких, сильных руках, закричала.

– Эй, потише, куда так несёшься? – знакомый голос заставил замолчать и взглянуть на крепко державшего её мужчину.

– Сэм, Сэм, – всхлипывая пробормотала Алиса и вдруг уткнувшись ему в грудь разревелась с новой силой.

Они сидела в беседке уже два часа. Алиса рассказала ему всю свою жизнь, все свои обиды и страхи. Он был первым человеком кому она открылась, доверилась. Он не смотрел на неё, сидел упёршись локтями в колени, положив голову на сжатые в кулаки руки. Сэм смотрел в угол беседки. Глаза его странно поблёскивали, и гримаса похожая на улыбку кривила полные губы.

– Значит, твоя мать решила тебя продать, – произнёс он задумчиво, достал носовой платок и утёр ей глаза, – А ты значит не хочешь спать с этим уродом?

– Нет конечно! – запротестовала Алиса, – Я что, дура что ли спать с мужиками!

– Так ты ни с кем ещё? – его глаза пытливо смотрели на неё.

От возмущения, не найдя слов чтобы ответить, она энергично замотала головой.

– Ну тогда мы сейчас в одну игру сыграем, пойдём, покажешь мне этого мужика.

Они подошли к её дому, Алиса поставила ящик к стене под окном кухни и заглянула в освещённое окно.

– Там он и ещё какие-то припёрлись. Достали уже пить.

– Стой тут, я скоро. – Сэм завернул за угол дома.

Прошло минут пять прежде, чем он появился и молча показал рукой на окно.

Громкая трель звонка. Крик матери, что открыто, заходите. Звонкий мальчишечий голос:

– Дядя Серёжа, ваша хата горит. Давайте быстрее, там пожарники выбили окна и заливают всё.

Сдерживая смех, Сэм вслушивался в сочувствующие возгласы собутыльников и возмущённые маты дяди Серёжи. Алиса вопросительно смотрела на Сэма.

– Пацана попросил разыграть его. Ты тут посиди немного и можешь спокойно идти домой. Он сегодня не вернётся. Не бойся, – он потрепал её по голове, взъерошив короткие белые волосы и ушёл.

Дядя Серёжа больше не появился. Он вообще куда-то исчез. Мать даже не знала где он живёт и не могла вспомнить кто его к ним привёл.

В последнее время мать стала какой-то через чур ласковой. То ли чувствовала за собой вину, то ли ещё что-то задумала. А Алиса замкнулась, перестала с матерью вообще разговаривать, делала вид что не видит её и не слышит. Начались осенние каникулы. Алиса встала поздно, прошла в ванную. Умылась. Зашла на кухню. Мать сидела одна за столом, медленно потягивала красное пойло из стакана. Алиса

включила чайник, открыла холодильник. Кусок сала, пачка маргарина, пара луковиц и что-то в банке, вроде кабачковая икра. Она взяла банку, открыла, понюхала. На хлеб намазать сойдет, вон пара кусочков чёрного хлеба лежит на блюдечке. Налила чай, искала в шкафчике сахар, нашла два завалившихся кусочка рафинада. Прекрасный завтрак. Густой сладкий чай и хлеб с густо намазанной сверху икрой. Алиса ела и смотрела в окно, а мать косила на неё свои уже осоловелые глаза.

– Может составишь мне компанию, а? – мать протянула ей наполовину наполненный стакан с вином.

Алиса не ответила, смотрела в окно и доедала хлеб. Вот дура, какая мать дура. Мысли кипели в голове, но внешне она оставалась спокойной. Вспомнила как лет в восемь прибежала домой с прогулки, пить очень хотелось. На столе стоял вот такой же стакан с красным пойлом. Почему она тогда подумала, что это сок, сама не знает. От сильной жажды у неё пересохло горло и она, схватив стакан сделала несколько глотков. Сначала не заметила странного вкуса. Потом у неё долго кружилась голова, она заблевала свою постель и пол в комнате. Проспала почти сутки, просыпаясь из-за тошноты и снова проваливаясь в кружащуюся дурноту. Мать тогда ей здорово всыпала и заставила убирать её художества за собой. С тех пор она даже видеть спиртное не могла, не точно пробовать.

– Может пиво будешь? Тут где-то стояло, – мать наклони-

лась и стала шарить под столом.

Этого Алиса уже выдержать не смогла. Негодование вспыхнуло в ней и вылилось сердитым румянцем на лицо. Вскочила и бросилась в комнату. Мать хочет из неё такую же сделать. Дура. Сука! Она скинула халат, натянула джинсы, свитер и стала искать носки. Голос матери с визгливыми нотками ударил по ушам:

– Фу ты, ну ты. Какая правильная. Матери уж ничего сказать нельзя. Ты, паршивка, благодарна должна быть, что не спланировала тебя в интернат. Живёшь тут на всём готовом, пора уже долги то возвращать. Слышь меня. – голос приближался, – Отрабатывать будешь всё, что я потратила на тебя.

Алиса нашла носки, натянула их и проскользнув мимо матери бросилась к двери.

– Куда? Я не отпускала тебя. Быстро вернулась. Я сказала! – мать нетвёрдой походкой побежала за ней.

– Я тебе ничего не должна. Да пошла ты, сука! – крикнула прямо в лицо матери Алиса, – Ты продала меня старому вонючему дядьке. Ты, мразь вонючая, как и он. Чтоб ты сдохла пьяница, дура. Лучше бы ты замёрзла вместо отца. Сдохни, тварь, – и с этими словами Алиса выскочила в коридор.

Брань летела Алисе в спину, мать выбежала из квартиры и стоя на лестнице орала ругая дочь, обзывая неблагодарным выкормышем.

Не зная, чем заняться, Алиса пришла в парк. Погуляла по пустынным аллеям. Потом вернулась к своей лавочке возле

закрытого на зиму павильона. Больше домой она не пойдёт, позднее зайдёт к тётке и всё ей расскажет. И если тётка не передумала, то останется у неё насовсем. Домой больше она не пойдёт. Засунув руки в карманы, Алиса наклонилась и стала рассматривать сухие листья. На сером асфальте яркие кружевные листья.

– Привет. Чё тут мёрзнешь? – кто-то сел рядом и поправил Алисе капюшон на голове.

Она гневно дернулась от руки, но узнав Сэма, напряжённо улыбнулась, спрятала озябшие руки поглубже в карманы, втянула голову в плечи и стала похожа на нахохлившегося воробья.

– Опять с матерью поругалась?

Алиса неопределённо дернулась, но промолчала. Не хотелось говорить, не хотелось слушать. Она замёрзла и хотела есть. Сэм почувствовал её отчуждённость и положив твёрдую руку ей на плечо, сказал:

– Пошли поедим. Тут кафешка за углом есть, – не дожидаясь её согласия, встал, приподнял Алису под локоть и мягко подталкивая в спину повёл к выходу из парка.

В кафе было тепло, играла тихая музыка. Сэм сделал заказ и стал разглядывать Алису. В свитере крупной вязки, в джинсах, с короткой стрижкой взъерошенных волос, она выглядела маленькой девочкой. Синие большие глаза с чёрной каймой густых ресниц, маленький носик, кожа с едва заметным загаром на округлом лице. Красивое лицо куклы. Вот

только постоянное нервное прикусывание нижней губы и подёргивание в ухмылке уголков губ портило всю картину. Он смотрел на её руки, на её тонкие длинные пальцы с аккуратно постриженными ноготками и думал о чём-то. Его тёмные глаза сузились и в этих щелочках мелькнуло что-то напугавшее Алису, его полные губы растянулись в улыбке, но глаза оставались холодными, непроницаемыми. Алиса опять съёжилась, ей захотелось уйти, но тут принесли обед и запах горячего борща вытеснил все страхи. Она ела медленно, боясь обжечься и с наслаждением прислушивалась к своему озябшему телу, как оно с каждым новым глотком согревается, вытесняет холод из мышц и костей, а вместе с холодом уходила и обида на мать. После борща принесли второе, гречку с котлетой. Алиса осилила только котлету, она наелась под завязку и отказалась от предложенной Сэмом его котлеты. От десерта тоже отказалась, но когда принесли мороженное, то не смогла устоять. Шоколадный аромат заслонил все остальные запахи. Для Алисы шоколад всегда был праздником. Сэм допивал кофе и смотрел в окно. Весь обед он молчал, молчала и Алиса. Допив кофе, он откинулся на спинку стула и посмотрел на неё.

– Расскажешь, что случилось? Или это секрет? – его голос был настойчивым.

Алиса вздохнула и вдруг почувствовала себя спокойно и раскованно. Она выложила ему всё, что произошло утром. Добавила, что пойдёт жить к тётке. Сэм достал сигареты, вы-

тряхнул одну, покрутил в пальцах, понюхал и затолкал опять в пачку.

– Твоей матери только деньги нужны?

– Да. Я всё лето работала, флаеры раздавала. Она деньги забирала у меня и так не орала. За неё постоянно подъезды мою, когда она совсем пьяная. А сейчас, где я работу найду? На меня смотрят как на совсем маленькую. Никто не хочет на работу брать. А тут ещё школа, – Алиса, нервно закусила губы и сплела пальцы на руках.

Сэм еще раз её оглядел:

– Могу предложить работу. Я фотограф. Мне нужна девочка типа тебя.

– А что делать? – Алиса недоверчиво на него посмотрела.

– Ничего сложного. Будешь в красивых платьях позировать, как раз новая коллекция пришла. Нужно отснять, а подходящей модели нет. Ты идеально подходишь для этого. Давай попробуем. За работу заплачу, – он видел, Алису что-то останавливает, недоверие сквозит в её взгляде и тогда он наклонился через стол и тихо сказал, – Приставать как тот дядька не буду.

Алиса вздохнула и кивнула. Деньги ей нужны.

– Ну тогда пошли, – Сэм поднялся из-за столика.

– Далеко?

– Нет, минут пять ходу.

Они прошли дворами к большому серому зданию, стоявшему за высоким забором. Обошли его кругом, и Сэм отпер

незаметную маленькую калитку в конце забора. С этой стороны здания окон не было, только дверь в подвал, к которой вели ступеньки вниз уходящей лестницы. Сэм шёл первым, достал ключ, открыл тихо заскрипевшую железную дверь. На Алису из темноты коридора пахнуло застоявшимся сырым воздухом. Вспыхнул где-то под потолком свет, длинные лампы затрещали вверху и слабо осветили серые стены. Сэм закрыл за ними дверь, провернул ключ и уверенными шагами быстро двинулся по коридору. Открыл ещё одну дверь, поднялся по лестнице, распахнул следующую. Провёл Алису по длинному проходу, опять спустился вниз по лестнице на два пролёта и остановился возле обтянутой кожей двери. Достал из кармана другую связку ключей. Открыл два замка, распахнул и уверенно двинулся в темноту комнаты. Алиса осторожно заглянула и зажмурила глаза от резко вспыхнувшего яркого света.

– Заходи, чего там встала, – недовольный голос Сэма заставил открыть глаза.

Ничего необычного в комнате не было. Обычная фотостудия, она такие видела в кино. Всякие железяки на тонких высоких ножках. Какие-то декорации. Алиса с интересом разглядывая предметы медленно прошла до середины. Сэм уже скинул пальто и настраивал аппаратуру.

– Иди туда, – он махнул рукой в дальний угол, – Скинь куртку и посиди немного.

– А почему никого тут нет? – спросила Алиса.

– А кого ждала увидеть?

– Ну, тех, которые макияж делают, одевают. Я в кино видела, как готовят моделей.

– Тебе до модели, как до, – Сэм махнул рукой вверх, – Сегодня пробное сделаю. Посмотрю, а потом видно будет. Пойдём переодеваться, – он подошёл к двери, прикрытой тяжёлой, пыльной шторой, и распахнул её, – Посмотрим во что тебя одеть.

Алиса зашла следом. Комната была небольшая. Стоял столик с зеркалом, диванчик, напольные вешалки с одеждой в чехлах и большой, на всю стену шкаф.

Сэм перебирал платья, некоторые снимал и прищурив один глаз издали примеривал к Алисе.

– Ладно. Вот это надень, – он протянул шёлковое короткое голубое платье в каких-то пышных оборках, – Потом вот эти гольфы и туфли из этих по размеру выбери, – показал рукой на коробку с обувью, – Тебе помочь?

– Я это должна одеть? – Алиса держала платье одной рукой за плечики, а второй брезгливо поднимала волан на подоле, – Я такое никогда не носила.

– Наденешь, позовёшь меня. – Сэм не слушал её, – Давай побыстрее, – и вышел.

В комнате было прохладно. Алиса, скинув свитер и джинсы задрожала, но то ли от холода, то ли от того, что будет дальше. Быстро натянула на себя платье, но холодный шёлк добавил дрожи. Гольфы были под цвет платья с белыми по-

лосками и белыми бантами. Алиса нервно засмеялась, увидев себя в зеркале. Презрительно осмотрела свой наряд и досадливо покачала головой. Себе она совсем не нравилась. Почему нельзя фотаться в джинсах и каких-нибудь футболках или кофтах? – подумала она, – Зачем наряжать меня как дуру?

– Ты скоро? – дверь распахнулась, Сэм возник на пороге, критически осмотрел сжавшуюся Алису, – Ну что, нормально. Туфли одевай, – он наклонился и выбрал из коробки синие туфельки на низком каблуке, с золотой пряжкой.

Пока Алиса втискивала ноги в узкие туфли, Сэм открыл шкаф, достал коробку и вывалил содержимое на диванчик. Алисе сначала показалось что это мех или шкурки животных, но подойдя поближе она увидела парики. Много, разного цвета и длины волос. Не успела она открыть рот, чтобы спросить, зачем они, как Сэм выбрал один и натянул ей на голову. Подвёл к зеркалу, и стоя позади, скривив губы придирчиво осмотрел её. Цвет парика был такой же, как и у её волос, только волосы были длинные, чуть волнистые, ниже плеч и лоб прикрывала прямая чёлка.

– Ну вроде ничего. Сядь на стул, – и когда Алиса села, он немного пригладил волосы щёткой, порылся в ящике стола, достал два тюбика, – Краситься умеешь? – Алиса кивнула, – Ресницы немного подкрась и на губы блеск нанеси. Быстрее, – сказал, выходя из комнаты.

Алиса мазнула несколько раз кисточкой по ресницам,

провела аппликатором по губам, оставляя на них яркий блеск и неуклюже ступая в неудобных туфлях вышла из комнаты. Ослепительный свет прожекторов ударил по глазам, и она прикрыла их ладонью. Сэм взял её за руку и вывел на середину. Алиса не понимала, что он от неё хочет. Она безвольно подчинялась его действиям. Он то сажал её на стул, то на пол, раздвигал пальцами ей губы, изображая улыбку, наклонял голову набок. Она должна была неподвижно сидеть, не моргая под слепящими лучами прожекторов, не дышать, не дёргать руками, носом. То включал вентилятор и волосы лезли ей в рот, в глаза, а она должна была всё это терпеть. Лицо Сэма было серьёзное, насупленное, он то и дело повторял:

– Сиди неподвижно. Не шевелись. Не моргай. Вот так. Хорошо.

Сколько это продолжалось, неизвестно. Алиса потерялась во времени и в пространстве и когда наконец услышала:

– Всё, иди переодевайся, – то не сразу поняла, что он от неё хочет.

Ошарашенная и ослеплённая, она зашла в комнату. В голове шумело и очень хотелось пить. Еле стянула с себя ставшее колючим платье, сдёрнула туфли с распухших ступней и ощутив босыми ногами холодный пол облегчённо вздохнула. В своей пусть и старой одежде, Алисе стало спокойно и комфортно. Пригладив волосы, она вышла из комнаты. Взяла со стула куртку и натягивая её на себя подошла к Сэму, сидев-

шему за компьютером. Он всматривался в экран, его глаза блестели металлически холодно, а губы напряжённо вытянулись в одну линию. Он быстро щёлкал по клавиатуре пальцами. Алиса постояла немного, не зная, что делать и только хотела заглянуть в экран, как Сэм встал и загородил его собой.

– Пошли, я тебя выведу.

Обратно они шли теми же коридорами. Возле двери Сэм остановился. Достал портмоне, вынул купюру, сложил и сунул Алисе в руку. Подошёл к двери и посмотрел в глазок и только после этого отпер её. Озираясь по сторонам, довёл Алису до калитки и тоже посмотрел в глазок, встроенный в её металлическое полотно. Отпер и буквально вытолкнул её со словами:

– Понадобисься, я сам найду тебя.

Калитка с лязгом захлопнулась за спиной Алисы. Растерянно и недовольно она оглянулась. Ей так хотелось побольше узнать о том, что она делала и правильно или нет, а тут её взяли и выставили. Странно, всё это. Алисе не понравилось поведение Сэма. Всё ещё сжимая деньги в кулачке, она загадала, если там сто рублей, то она не понравилась Сэму и моделью ей не быть, но если пятьсот, то наверно он снова пригласит её. Подняла руку и стала медленно разжимать пальцы. Глаза от удивления раскрылись, она снова обернулась на калитку, ожидая, что сейчас Сэм выскочит и скажет, что он ошибся и не ту купюру дал. Но за калиткой было тихо.

Никто не бежал. Красная бумажка шевельнулась на ладони от слабого порыва ветра, и Алиса резко сжала пальцы, боясь, что ветер сдует деньги. Пять тысяч! Такие деньги она держала впервые. Засунула руку с сжимаемой купюрой в карман и пошла сначала медленно, а потом побежала. Если он ошибся, то это его дело. Так она подумала. Если что, то пусть высчитает с неё потом, со следующих съёмок, а сейчас это её, честно заработанные деньги. Мысли путались в голове. Что же купить на них? Продукты, это, само собой. А ещё ей надо ботинки и кофту. На рынке можно недорогие купить. И у тётки не надо просить. Но сначала продукты. Зайти домой. Мамке дать рублей триста, чтобы отвалила от неё, а потом подумает, как поступить с остальными деньгами. В магазине Алиса купила пачку чая, сахар, сухари, лапшу, картофельное пюре и яйца. Что-то другое покупать, это значит мать начнёт расспрашивать, где она взяла деньги. А так обычный набор продуктов, который покупает и сама мать. Триста рублей для матери Алиса положила в карман, а остальные аккуратно сложила и спрятала в самый маленький карманчик на джинсах. Уже подходя к дому у неё вдруг забилось сердце. Неясная тревога нахлынула и заставила замедлить шаг. Во дворе было тихо, не бегали и не кричали дети, даже бабки не сидели на лавочке, и эта тишина была тяжёлой и вязкой. В подъезде тоже было тихо, из квартир не звучали детские голоса и музыка. Подойдя к своей квартире, Алиса увидела, что дверь приоткрыта. Она распахнула её и вошла. С кухни по-

слышались тихие голоса. Незнакомые, мужской и женский. Когда Алиса возникла в проёме двери на кухню, они обернулись. За столом сидел их участковый и незнакомая женщина. При виде Алисы она приветливо улыбнулась, но глаза цепко оглядели её, а участковый просто смотрел. Алиса оглянулась в поисках матери и только сейчас увидела какой бардак на кухне. Осколки битой посуды валялись по полу, дверцы нижних шкафов были оторваны. Глаза Алисы округлились от страха. На полу растеклось неровным овалом, затекая в трещины и вытягиваясь одним концом к двери бурое немного подсохшее пятно. Алиса попыталась сглотнуть подкатившую к горлу тошноту и схватилась рукой за столешницу. Женщина поднялась, взяла у Алисы пакет с продуктами, поставила его на стол, а саму усадила на табурет.

– Алиса, – участковый придвинулся к ней поближе, – Тут такое дело.

– Мама умерла? – она смогла выдавить из себя вопрос, указывая рукой на блеснувшее от солнечного луча пятно.

– Нет, – участковый тоже посмотрел на него, – Мама твоя жива и невредима. Это она ударила одного мужчину. Подрались они, кто начал и из-за чего мне неизвестно. Но мужчина умер, а твою маму забрала полиция. И скорее всего ей грозит срок за убийство. А мы с Анной Петровной тебя ждали, – он указал на женщину, – Она из опеки. Скорее всего тебя отвезут в интернат и потом будет решаться куда тебя.

– Алиса, а на что ты купила эти продукты? – женщина

указала на пакет.

– Я флаеры раздавала, – машинально ответила Алиса, всё ещё не сообразившая, что тут происходит.

Тут в квартиру вихрем ворвалась высокая, красивая женщина.

– Алиса, деточка моя. С тобой всё в порядке? – наклонившись к ней, женщина стала ощупывать её.

– Да, – Алиса подняла глаза и в них блеснули слёзы.

– Женщина вы кто? – участковый поднялся со стула.

– Я кто? – возмутилась эта шумная, воинственная женщина, – Кто? Я тётя её. Сестра её отца. Мне соседка позволила, рассказала, что тут твориться. Я с работы еле сорвалась, – она, распахнув пальто, села на освободившийся стул, на котором только что сидел участковый и стала обмахиваться сдёрнутой с головы шапкой, – Жарко то как. Нину куда увезли? – спросила она у него.

– А можно ваши документы посмотреть? – вопросом на вопрос ответил участковый.

– Да. Пожалуйста, вот мой паспорт, – раскрыв сумочку она достала и протянула документ.

– Хорошо, – он изучил документ, но возвращать не спешил, – Мы тут решаем вопрос об определении Алисы в интернат.

– Что? Интернат? – тётя взвилась со стула, – Мою племянницу в детдом? Да никогда. Я сколько раз предлагала Нинке отдать её мне. И Алиса часто у меня ночует, живёт неделя-

ми, – она встала, загородив собой Алису, готовая бороться с любимым, что к ней прикоснётся.

– Сядьте, Ирина Владимировна, – заглянув в паспорт, сказал участковый, – Сядьте. Сейчас всё решим.

Тётя подвинула стул поближе к Алисе и усевшись, с воинственным видом взглянула на женщину:

– Я оформлю опеку, если Нинку посадят. Могу даже удочерить. Эта курва моего брата угробила. Споила его. Алиса единственное, что мне от брата осталось. К тому же у Алисы в моей квартире есть комната и все условия для учёбы. Я ей ноутбук купила. Она приходит заниматься ко мне. Сюда же не дашь его, эта стерва сразу бы его пропила, – тётя всё больше распалялась от негодования.

– Хорошо, хорошо, – успокаивающе положила на её плечо руку женщина, – Хорошо. Мы к вам придём и посмотрим. Если Алиса сама согласна и условия позволяют, то мы будем очень рады.

Участковый записал адрес тёти и распрощавшись они ушли. Когда дверь за ними закрылась, Алиса вздрогнула и слёзы повисли на ресницах.

– Ладно, Алиска, мы и это переживём, – тётя поднялась, скинула пальто, огляделась вокруг, – Сейчас мы с тобой тут приберёмся и поедем домой, – её взгляд остановился на уже высохшим ставшем почти чёрным пятне, – Ты иди в комнатах уберись, а тут я сама. Давай иди, племяшка, а вечером пиццу с тобой постряпаем и киношку какую посмотрим.

Недавно прошедший снег припорошил украшенную игрушками и гирляндами ёлку. Алиса обошла её вокруг, разглядывая и не видя игрушек. Они только что вышли из зала суда. Тётка чмокнула её в щёку и сказав Алисе ехать домой, сама убежала снова на работу. Матери дали три года. Когда она выйдет Алисе будет уже восемнадцать. Хотя тётка сказала, что если мать в тюрьме будет себя хорошо вести, то выпустят её пораньше. Перед глазами всё ещё стоял образ матери, там в зале суда за решёткой. Бледная, постаревшая, с заметной сединой в волосах. Она потухшими глазами смотрела на Алису. Жалко ей было мать или нет, Алиса не могла понять. У неё внутри всё сжалось, замёрзло. Ничего. Даже слёз не было. Только домой очень хочется. В свою квартиру, в свою комнату. Но там уже живут квартиранты, так решила тётя. Алисе захотелось прогуляться по парку, посидеть на той, своей лавочке. Как давно она там не была. Кажется, прошло очень много времени, а на самом деле всего два месяца. Алиса шла по заснеженным улицам, смотрела на яркие огоньки гирлянд украшавшие витрины магазинов. Новая дублёнка давила тяжестью на плечи. Она с сожалением вспомнила свою старую лёгкую куртку. Много изменилось за это время. В школе быстро прознали про её мать, но смотрели сочувственно. Девочки стали общаться с ней, мальчики стали проявлять знаки внимания. Алиса не могла понять их перемены. То ли из-за этой беды, свалившейся на неё, то

ли, потому что она стала носить хорошие, купленные тётей вещи. Даже телефон у неё был последней модели. Контролируемая тёткой Алиса стала учиться лучше. Сама Алиса на сближение с одноклассниками шла тяжело, недоверчивая по натуре, она во всём видела подвох.

Алиса дошла до своего дома, постояла, посмотрела на занавешенные новым тюлем окна и повернула назад. На душе грустно и тоскливо. В парке остановилась возле лавочки, стёрла варежкой с её сиденья тонкий слой снега, но садиться не стала и пошла дальше. За парком она решила сократить дорогу через дворы и двинулась между гаражами. Повернув за последний гараж, она резко остановилась. Что-то знакомое было в тёмной фигуре мужчины притаившемся за деревом и наблюдавшем за женщиной с ребёнком. Она незамеченной подошла поближе и удивлённо воскликнула:

– Сэм? Привет.

Он дёрнулся как от удара, растерянно оглянулся по сторонам, потом остановил бегающий взгляд на ней, взгляделся в её лицо и выдохнул:

– А это ты, – он провёл рукой по вдруг вспотевшему лбу и спросил, – Где была? Я искал тебя.

Алиса начала было рассказывать, но увидев отрешённый взгляд Сэма, смотревшего через решётку ограды парка на ребёнка, замолчала и тоже посмотрела на него. Ребёнок был маленький, года три наверно. Девочка в розовом комбине-зоне. В одной руке у неё была лопатка, а во второй верёвоч-

ка, привязанная к санкам. Девочка ходила между деревьями, тянула за собой санки, присаживалась и лопаткой стучала по сугробам. Её мать, красивая молодая женщина в короткой норковой шубке сидела на скамье и смотрела в телефон.

– Это кто? – спросила Алиса.

– Это? – Сэм как-то странно отвёл глаза, будто боясь, что Алиса в них прочтает правду. – Это дочь моя. Мы с её матерью развелись, и она не даёт мне с ней видится, – он взглянул на Алису, прищурил глаза, помолчал немного и обдумывая каждое слово, медленно сказал, – А ты мне можешь помочь. Я хотел ей игрушку подарить, но так чтобы мать не видела, – он растерянно потёр подбородок перчаткой и вдруг по лицу мелькнула усмешка, скривив его полные губы, – Короче так, ты помогаешь мне, а я устраиваю тебя на работу в одно агентство. Твои фото понравились. Из тебя получится модель. А от тебя маленькая услуга. Я хочу побыть с девочкой наедине, без матери. Подарить игрушку и сделать фото на память.

Алиса непонимающе смотрела на него:

– Мне надо маму её отвлечь? Или что?

– Нет. Ты приведёшь девочку. Я буду там за углом, – он махнул рукой вдоль улицы, – Я отдам подарок. Сделаю фото, и ты её приведёшь назад.

– А мама её? Она не разрешит, не даст девочку, – Алиса попыталась заглянуть в его странно бегающие глаза.

– А ты посмотри, она за ней совсем не смотрит. Я тут с

полчаса, а она глаз от телефона не оторвёт.

Алиса и сама это заметила. Девочка уже раза два падала в снег, а мать не спешила к ней на помощь, и та с большим трудом поднималась на ножки.

– Она даже не заметит её отсутствия. Всего каких-то пять минут. Ну что скажешь? Поможешь мне? – он улыбнулся ей, но улыбка была какая-то вымученная.

– Я не знаю, – неуверенно сказала Алиса, – А вдруг она заметит? Полицию вызовет.

– Ничего не будет, а если заметит, то я сам с ней разбираться буду, – его лицо стало решительным, он положил руку на плечо Алисы, – Значит так, завтра в это же время, ты придёшь сюда. Подзовёшь её и дашь вот эту конфетку, – он достал из кармана леденец в яркой обёртке, – Она любит такие, скажешь ей, что ещё такие есть, много. Сама не ешь. Вот на тебе сто рублей, шоколадку себе купи, – он вложил в руку Алисе конфету и деньги, – Завтра я буду ждать вас за тем углом. Потом приведёшь её назад. Ну что, договорились? А потом поговорим о работе для тебя. Давай соглашайся.

Алиса нерешительно кивнула в ответ, хотела добавить, что не нужна ей эта работа, но Сэм, сбив рукой её шапку набок потрепал по голове и повернувшись к ней спиной быстро зашагал по краю тропинки. Зёрнышко сомнения, зародившееся внутри, стало разрастаться, пока не заполнила её всю недоверием и подозрительностью. Алиса разжала руку, посмотрела на леденец лежавшей на варежке, на скомканную

сторублёвку, спрятала их в карман и стараясь остаться незамеченной двинулась следом. Сэм скрылся за поворотом, и Алиса прибавила шаг. А как зовут девочку? Она не спросила, и он ни разу не назвал её имя. Перед поворотом, она замедлила шаг и осторожно выглянула из-за угла бетонного забора. Сэм стоял рядом с мужиком. Тот был постарше, худой и с длинными волосами. Они о чём-то спорили, затем Сэм оттолкнул его двумя руками в грудь, сел в машину на заднее сиденье, а мужик зло сплюнул и сел за руль. Машина дёрнулась, мотор взревел, колёса пробуксовали на скользкой укатанной дороге и крутанув задом умчалась, подняв за собой снежную пыль. Алиса бегом бросилась назад. Протиснувшись в чуть приоткрытую, крепко вмёрзшую в снег калитку она подошла к женщине и набрав для храбрости полные лёгкие воздуха громко выпалила:

– Тётя, а как зовут отца вашей девочки?

Та, вздрогнув, оторвала глаза от экрана телефона, недовольно нахмурилась:

– Девочка, тебе заняться нечем, иди играй, – она раздражённо отмахнулась от неё рукой и снова опустила глаза, увлечённо что-то рассматривая на экране.

– Тётя, там дядька один, он сказал, что он отец вашей дочки, – Алиса пыталась справиться с волнением и подобрать правильные слова, – Он хочет с ней встретиться.

– Девочка, я не знаю в какую игру ты играешь, но иди отсюда. Выдумала тоже дядьку какого-то. Тебе что заняться

нечем? – она недовольно поджала губы.

– Но тётя, – Алиса попыталась улыбнуться и улыбкой смягчить эту непонятливую тётку.

Но возмущённая тем, что её отвлекают, женщина грубо и резко осадил её:

– Я сказала тебе, иди отсюда.

Тогда Алиса решительно выпалила:

– Вы за ней совсем не смотрите, а её хотят украсть.

Женщина, разгневанная от несправедливого, по её пониманию обвинения, услышав только первую часть фразы, взвилась:

– Я не смотрю за дочкой? Да ты кто такая мне такое говорить? – она гневным жестом махнула рукой, – Я-то, я, не смотрю! Это моя дочь, поняла! Ты кто такая, чтобы мне указывать. Пошла отсюда, пока я твоей матери не пожаловалась, как ты пристаёшь к людям. Мала ещё людям указывать.

Алиса испуганно сделала шаг назад и еле слышно прошептала дрожащим от сдерживаемых слёз голосом:

– Но, тётя, – и сделала ещё несколько шагов назад.

– Что тут у вас? – мужской голос раздался за спиной Алисы.

Она вздрогнула и в испуге отшатнулась. На её плечо мягко, но решительно легла большая рука и повернув Алису к себе над ней наклонился мужчина.

– Алиса? Ты что тут делаешь? – удивился участковый.

Она растерянно смотрела на него снизу-вверх во все глаза,

сердце её страшно заколотилось, отдавая болью в горле. Она открыла рот и закашлялась.

– Эта девчонка пристала ко мне, глупость какую-то говорит, – женщина придвинулась к ним, её голос звенел от еле подавляемого в себе гнева, – Она указывает мне, как за моим же, представляете, моим ребёнком я должна смотреть.

– Подождите, гражданка, – он уверенно осадил женщину, – Сейчас разберёмся, – он сел на скамью и взяв руку Алисы подтянул её к себе и не выпуская руки, мягко спросил, – Что ты тут делаешь? У тебя что-то случилось?

– Что у неё случится? Ходит к людям пристаёт. Наверно в игру играют и снимают это на телефон, – женщина никак не могла успокоиться.

– Я сказал вам, сядьте, – голос участкового повысился, в нём отчётливо слышались строгие металлические нотки, – Я сам во всё разберусь, – он снова повернул голову к Алисе, – Расскажи мне, что случилось.

Алиса утёрла нос свободной рукой, собрала спутанные мысли и чуть заикаясь, произнесла:

– Я встретила знакомого. Он сказал, что он отец её дочки, – она рукой махнула на женщину и подбежавшую к ним, смотревшую с радостным любопытством на незнакомых людей, девочку.

– Какой отец? Он на работе, её отец. И зачем ему с тобой говорить? – не удержалась женщина, но под строгим взглядом участкового недовольно закрыла рот.

– Продолжай, – и видя, что Алиса замкнулась, сам продолжил за неё, – Ты встретила знакомого, так? Он где был?

Алиса махнула рукой в конец парка.

– Что он делал?

– Стоял за деревом и смотрел на них.

– Ты сказала, он твой знакомый, так? – Алиса кивнула, – А как его зовут и откуда ты его знаешь?

– Я его почти не знаю, он фотограф. Его Сэм зовут.

Участковый повернулся к женщине:

– Как вашего мужа зовут?

– Алексей его зовут и зачем скажите ему прятаться и подглядывать за нами, – раздражённо на высокой ноте высказала женщина.

– Есть его фото? – он указал на телефон.

Она лихорадочно начала листать фотографии на экране телефона и найдя нужную демонстративно сунула изображение мужчины почти в лицо участковому. Он забрал у неё телефон, взглянул на экран и повернул его к Алисе:

– Он?

С экрана смотрел немолодой сероглазый мужчина с небольшой тёмной бородкой.

– Нет, – Алиса качнула головой.

– Да выдумала она всё, – женщина поднялась, – Мы домой пойдём.

– Сядьте, – строго произнёс участковый, женщина поджала губы и с яростью взглянула на Алису, а он продолжил,

обращаясь к Алисе, – Он стоял там и смотрел на девочку? Так? А что он хотел сделать?

Алиса судорожно вздохнула, набирая полные лёгкие воздуха и выложила весь разговор с Сэмом.

Участковый, внимательно её слушая всё больше мрачнел и хмурил брови. Когда Алиса замолчала, он спросил:

– А как бы ты увела ребёнка?

– А она за ней совсем не смотрела, девочка ходит одна везде, а она от телефона голову поднять не может, – Алиса смело смотрела в лицо разгневанной её словами женщине, – И вот, – она достала из кармана леденец и деньги, – Он сказал дать ей конфетку.

– А деньги зачем?

– Мне, на шоколадку. Чтобы я конфету сама не съела.

– Ты брала её рукой или только в варежке? – участковый достал из внутреннего кармана мешочек и раскрыл его, – Положи сюда, – потом аккуратно завернул и спрятал в тот же карман.

– Только варежкой, а Сэм в перчатках был. Он сказал, что дочка любит такие и я должна была ей сказать, что ещё дам конфет, много.

Участковый жестом остановил полившийся было поток брани из уст женщины и хмурясь, мрачно сказал:

– В этом районе уже пропало два ребёнка. Возраст как у вашей, – он поднял тяжёлый взгляд на женщину, – Смотрите, мамаша, за ребёнком получше. Я сам буду проверять и ещё

проведу беседу с вашим мужем.

Женщина залилась гневной краской, лицо её стало пунцовым, но она, плотно сжав губы, промолчала, схватила дочку за руку и притянула к себе.

– Идите домой, ребёнок у вас замёрз, – он устало поправил шапку на голове, посмотрел вослед быстро уходившей женщине, уносившей ребёнка на руках, и остановил взгляд на сиротливо стоявших под кустом санках.

– Алиса, ты нам поможешь? – он поднял на неё утомлённый взгляд, – Пойдём со мной в отделение, я расскажу всё начальству. По дороге позвоним твоей тёте. Хорошо? – она кивнула, а участковый внимательно осмотрел дальний угол парка и спросил, – Как ты думаешь, за тобой никто не следит?

– Нет, – Алиса покачала головой, – Сэм уехал с мужиком каким-то.

– А на какой машине?

Алиса пожала плечами:

– Я не разбираюсь в машинах. Чёрная, вроде спортивная.

– Номер тоже не видела?

– Нет.

Отдел полиции находился на соседней улице. Пройдя через проходную со странными само защёлкивающимися решётчатыми дверями, пройдя по длинному коридору с многочисленными кабинетами, они остановились. Участковый попросил Алису посидеть на стуле, а сам зашёл и плотно при-

крыл за собой дверь. Немного погодя по коридору пробежал молодой парень в форме, стукнув пальцами в дверь кабинета, возле которого сидела Алиса, зашёл и тут же вышел, унося в руке тот пакетик с конфетой и деньгами. Отпечатки будут искать, подумала Алиса и вздохнув устала на пол. Мысли рассыпались в голове на мелкие кусочки, на буквы и слога и собираясь обратно теряли звучание и смысл. Может я не поняла Сэма, а может тётка что скрывает и Сэм на самом деле отец, а она за другого вышла замуж, и дочка не знает, кто её настоящий отец. Жизнь такая запутанная, все что-то скрывают, думая, что так лучше. Не успела она додумать эту мысль, как дверь открылась и Алису попросили войти в кабинет. Возле окна за столом сидел мужчина в полицейской форме. Он улыбнулся доброй, располагающей к себе улыбкой. Усталые глаза мягко светились. Задав почти те же вопросы, что и участковый, он переглянулся с ним и почесал небритый подбородок.

– Алиса, не могла бы там помочь? Мы не можем просто так его арестовать, нам ему предъявить нечего. Может это совсем не он. А может спрятал так этих детей, что пока мы тут его будем держать, они умрут от голода, – он, не отрываясь смотрел цепким взглядом прямо ей в глаза, удерживая её взгляд, – Нам бы только зацепиться за что-нибудь. Как ты думаешь, сможешь ты завтра подойти к нему и сказать, что не могла привести его дочь. У тебя под одеждой будет микрофон. Мы будем слышать и записывать его слова. Ты

скажешь это и сразу уйдёшь, а мы проследим за ним куда он поехал, где живёт.

Алиса, обдумывая услышанное, пожала плечами.

– Ты сказала, что он фотограф. Это с его слов или ты точно знаешь?

– Знаю, – она утвердительно кивнула, – Он хотел сделать из меня модель. Я была у него в студии.

Мужчина с участковым быстро переглянулись и в их мрачных взглядах мелькнула искра азарта, как у гончих собак, загонявших зверя в западню.

– Ты можешь назвать адрес?

– Адреса не знаю, а показать смогу, – она подробно рассказала о здании, о том, что там было внутри, умолчала только о деньгах.

Довольный услышанным полицейский откинулся на спинку стула, пожевал кончик карандаша и вдруг осенённый какой-то мыслью, резко навалился на стол, придвигаясь к Алисе:

– Скажи, а почему ты ему не поверила?

Алиса сначала замаялась, закрутила варежки в руках, потом на выдохе быстро, запинаясь в словах, проговорила:

– У него глаза были, как у того дядьки, который ко мне приставал. Масленные и противные. И Сэм так же на девочку смотрел. И ещё мне не понравилось, как он меня снимал. То платье задери, то сядь и ноги по шире, то палец в рот засунь, как будто я маленькая, – выпалив это она подняла

глаза, горевшие гневом и смущением, – Я хотела ему сказать, что мне это не надо. Противно всё это.

– Так, понятно. А кто тот дядька, что приставал к тебе?

– Не знаю, – Алиса пожала плечами, – Он к нам домой приходил. Пил с мамой. Потом исчез, – и она рассказа о шутке, проделанной с ним Сэмом.

– Странный парень, – задумчиво произнёс участковый, – То спасает, то ворует.

– Может это не он? – вставила Алиса.

– Может и не он, но надо проверить, – ответил полицейский.

Звонок телефона прервал его, он выслушал того, кто был на другом конце провода и всё больше мрачнел, потом положив трубку произнёс:

– Снотворное в конфете и доза большая.

– А отпечатки? – заинтересованно спросила Алиса.

Полицейский улыбнулся ей:

– Отпечатки к сожаление смазанные. Ну, что Алиса? Поможешь нам?

– Сначала надо разрешение опекуна получить, – напомнил ему участковый.

– Скоро она приедет?

И тут словно ответ на его вопрос в дверь громко и требовательно забарабанили и не дожидаясь разрешения резко её распахнули. В кабинет, пропахший мужским потом, влетел и заполнил его стойкий аромат французских духов, кото-

рые внесла на себе тётя. Участковый как уж очень поспешно вскочил со стула и с виноватой улыбкой вместо приветствия наклонил голову, но тётя, не видя никого кроме племянницы бросилась к ней:

– С тобой всё в порядке? Тебе ничего не сделали? – она внимательно встревоженным взглядом осмотрела Алису, будто искала на ней следы побоев и синяков.

– Ирина Владимировна, Ирина, – участковый мягко взял её под руку, – Ничего с вашей подопечной не случилось. Сядьте, пожалуйста, и мы поговорим, – он галантно подставил ей стул, на котором недавно сидел, – А ты, Алиса, посиди ещё немного в коридоре, – он усадил ничего не понимающую Ирину и проводил Алису к двери.

Она снова сидела в коридоре и опершись руками в сиденье смотрела на носки своих ботинок. Опираясь на пятки, она то сводила, то разводила их в стороны и прислушивалась к доносившимся из кабинета глухим, настойчивым мужским голосам, временами прерываемым протестующим высоким голосом тётки. Слов не было слышно, но смысл разговора ей был ясен. Постепенно голос тётки становился всё тише и звучал реже. Всё, тётка сдалась, подумала Алиса. А что он с девочками делает? Тоже фотает или, она представила маленькую девочку и Сэма. Лицо её скривилось от омерзения и жалости к ребёнку. Сдерживая охватившую её дрожь отчаяния и страха, она подскочила со стула и стала вышагивать взад-вперёд по коридору. Ей не страшно за себя, она всё сдела-

ет, чтобы спасти этих маленьких девочек. Дверь открылась и выглянувший из неё участковый, жестом пригласил Алису войти.

С утра шёл густой снег, а после обеда тучи рассеялись и снег блестел на солнце так ярко, что Алиса прищуривалась, боясь ослепнуть от его белизны. Она пришла в назначенное время к решётке парка. Постояла за деревом вглядываясь в глубину аллей, где гуляли мамы с детьми. Естественно, этой девочки с мамой там не было, но она, думая, а вдруг за ней следит Сэм, всё делала так как будто хотела привести ему ребёнка. Переминаясь от волнения с ноги на ногу, она засунула озябшие руки в карманы своей старой куртки. Она была лёгкой и в ней легче будет убежать. Так решили все. Под воротником прилепили маленький микрофон. Сказали, этого хватит. Они будут слышать все разговоры. Алиса оттолкнулась от дерева и решительно направилась к месту встречи. Сердце почему-то колотилось в горле, затрудняя дыхание. Она стала негромко считать свои шаги:

– Раз два, три, четыре, скоро поворот, – наклонив голову она шептала в микрофон.

Эту ночь она спала спокойно, без снов. Тётка перед сном дала ей успокоительный отвар, и сама тоже выпила. Прилегла рядом, крепко обняла и спросила:

– Тебе страшно? – Алиса помотала головой, а она сказала, – А мне страшно, как-то беспокойно. Я вообще ничего не

поняла, зачем ты им нужна. Сами бы поймали их и допросили. И этот Игорь Александрович прилип, даже домой нас проводил, как под конвоем шли. Бойтся, что сбежим? – она натянуто улыбнулась.

– Просто ты ему нравишься, – сказала Алиса и её сонные глаза закрылись.

Перед поворотом она немного притормозила, глубоко вздохнула, сделала решительный шаг и тут же увидела чёрную машину, но стояла она немного дальше, чем вчера. Я должна пройти мимо, подумала Алиса, я ведь не знаю, что это его машина. Она для большей убедительности оглядывалась по сторонам, будто в поисках Сэма. Естественно его нигде не было. Сидит в машине, подумала Алиса, и ментов нигде не видно, здорово спрятались. Может на крыше вон того дома снайпер сидит? Как начнёт палить. Алиса поёжилась, представляя стрельбу. Кровищи будет, весь снег залют. Нервный смех вырвался у неё из-за рта вместе с паром. Она поравнялась с машиной и не сбавляя шаг двинулась дальше. За спиной послышался звук открываемой дверцы и гневно-удивлённый голос Сэма:

– Почему ты одна? Я же сказал тебе привезти девочку.

Алиса обернулась и натолкнулась на его потемневшие от ярости глаза. От испуга у неё свело судорогой руки и ноги, она попыталась сжать сведённые руки в кулаки. Он буквально набросился на неё:

– Я спрашиваю тебя, где девочка? – его громкий шёпот

бил по ушам.

Алиса на мгновение зажмурилась, открыла глаза и выпалила:

– Нет её. Их нет в парке, – она постаралась казаться спокойной и невозмутимой, но глаза полные смятения выдали её.

Он нагнулся к ней:

– Не ври мне, они каждый день гуляют, – его свирепое лицо и запах парфюма вызвали у Алисы приступ тошноты.

Она отступила назад и вдруг воскликнула:

– Она не твоя дочка. Ты её украсть хотел.

– Чего? – пытаюсь сохранять прежнее выражение лица пробормотал Сэм, но во взгляде мелькнул страх.

Тут из машины выскочил водитель и схватив Алису как щенка за шиворот куртки бросил на заднее сиденье машины.

– Ты тоже в машину, – приказал он Сэму резко толкая его в спину.

Машина взревела и сорвавшись с места понеслась по пустынной улице.

– Раз той девки нет, то и эта сойдёт, – заглушая рёв двигателя прохрипел он.

– На эту другие планы. Аукцион в самом разгаре, – ответил Сэм и коснулся плеча водителя, – Давай потише, на камеры попадём.

– Плевать, всё равно хотел сменить машину, – он мельком глянул на Алису направляя на неё зеркальце заднего вида, –

Эта та кукла?

– Ага, – он тоже посмотрел на растерянную Алису, – Надо избавляться до нового года от всех и ехать отдыхать.

Он что-то ещё сказал, но рёв набираемой скоростью машины заглушала слова. Алисе хотелось обернуться назад и посмотреть едет ли за ними полицейская машина или нет, или они отстали или вообще потерялись? Она незаметно пошарила по дверце рукой в поисках ручки, но её не было. Эта дверца изнутри не открывалась и стекло не открывалось. К тому же что говорят эти два дядьки непонятно, надо их заставить сказать хоть что-нибудь, но нельзя говорить, что я знаю про украденных девочек. Что же сказать? Алиса отчаянно искала в своей голове с чего начать разговор и тут в памяти всплыла картинка. Два мальчика убили раненого голубя и тыкали его палкой, а соседка, старая баба Вера им сказала, что их за это боженька накажет, но мальчишки засмеялись и убежали. Тогда Алиса взяла этого голубя и закопала, похоронила за домом. Она громко воскликнула:

– Вас бог накажет, за то, что своровали меня.

– Бог? – засмеялся водитель, отбросив резким движением головы свои длинные волосы с лица, – Дура. Бога нет, есть только бабло. Деньги наш бог. Деньги и очень много денег.

– Сам дурак, – огрызнулась Алиса, потом стала тихо говорить прямо в микрофон, – Раз, два, поворот налево, три, четыре, дом с колонной, пять шесть, светофор и площадь.

– Чё она там бубнить? Достала болтать, дай ей конфету

пусть заткнётся, – проворчал длинноволосый.

– Где леденец, который я дал тебе вчера? – навис над съевшейся Алисой Сэм.

– Вот, – достала конфету Алиса из кармана, но на самом деле это была не та конфета, она подумала, – какие полицейские молодцы, что дали ей похожую конфету на случай, а вдруг он попросит вернуть свой леденец.

– Затолкай в рот и молчи, – угрожающе произнёс Сэм.

Алиса спокойно развернула и засунула в рот кругляш леденца, придерживая за палочку. Сладости она не почувствовала, только слюна стала тягучей, липкой и очень захотелось пить. Но у них просить воду нельзя, а вдруг и туда свою дрянь добавили. Куда же меня везут? И где сирены полицейских? Хорошо если туда, где снимал он меня, а если куда-нибудь за город? У них вон какая быстрая машина, а у полицейских какие-то каракатицы. Тётка наверно с ума сходит. Ой влетит участковому от неё, да и всем в полиции, если со мной что случится. А что со мной случится? Они меня продать хотят, это как мамка хотела тому дядьке. Наверно много денег за меня хотят получить, два урода, придурка. Алиса всматривалась в окно, ей показалось, что они уже проезжали тут. Это что они кругами ездят? Наверно боятся погони. Тут машина резко свернула и затормозила у больших ворот. Алиса увидела вывеску рядом с воротами. Она нарочито громко прочитала:

– Северная, сто двадцать пять.

Ворота отъехали в сторону. Наверно на кнопке, подумала Алиса, не увидев никого за воротами. Проехав вокруг здания, они остановились и тут Алиса узнала ту дверь в подвал и калитку, через которую она в прошлый раз вышла отсюда. Она обрадовалась. Тут где-то в засаде полицейские сидят. Сейчас как выскочат из кустов, как заорут: – Лежать! Мордой на пол! Но напрасно смотрела по сторонам Алиса пока её грубо схватив за капюшон тащил за собой Сэм. Длинноволосый открыл дверь и пропустил их вперёд. Осмотрелся, зашёл следом и запер дверь.

– Закрой её пока к этим, потом решать будем как быстрее всех сплавить, – сказал он и обогнав их быстро скрылся за поворотом.

Тут Алиса вспомнила, что в той, их конфете было снотворное, и чтобы не вызывать подозрение стала притворяться, что засыпает. Ноги её заплетались, голова наклонилась вперёд и глаза будто слипаются. Сэм тряхнул её несколько раз, потом ворча подхватил поперёк и понёс по коридору.

Прислонив вялое тело Алисы к стене, Сэм стал искать по карманам ключи. Резко дёрнув связку за брелок, он не удержал её в руки и ключи вылетев из кармана со звоном упали на пол. Сэм выругался и отпустив Алису наклонился за ними. Этого мгновения хватило, чтобы она, собрав все силы толкнула наклонившегося Сэма в спину и рвануть по коридору.

– Свинья чёртова, дура! – заорал, падая Сэм, он запутал-

ся в своём длинном пальто, поднимаясь, наступил на полу и снова упал, грязно и громко матерясь.

Алиса на ходу расстегнула куртку и только хотела её скинуть, как вспомнила про микрофон. Она мчалась по длинным коридорам, иногда дёргая многочисленные закрытые двери, взлетала по лестницам наверх и снова мчалась. Почему тут нет никого? Где все люди в этом огромном здании? Кровь стучала в висках, она, задыхаясь пыталась комментировать все повороты, лестницы, двери. Вот только слышат её или нет? Где эти полицейские? В горле у неё пересохло, слова царапали воспалённое горло и кололи вместе с дыханием тысячами иголок тяжело поднимаемую от бега грудь. Позади послышался тяжёлый топот догоняемых её быстрых ног.

– Стой, дура!

Алиса уже выбивалась из сил, когда, избежав по лестнице она толкнула очередную дверь и она открылась. В кабинете ничего кроме нескольких стульев и одного окна, не было. У неё подгибались колени, но хватило сил запрыгнуть на стул, а с него на подоконник. Рванув за ручку, она распахнула створку окна. Глянула вниз и отпрянув зажмурилась. Следом в комнату ввалились друг за другом Сэм и длинноволосый. Один нагнулся, опершись руками в колени и натужно со свистом дышал, второй прислонился к стене и закашлялся. Сэм, отдышавшись сделал шаг к Алисе и всё ещё тяжело дыша прохрипел надсаженным голосом:

– Слазь. Слышь, слазь говорю. Хочешь денег? Много де-

нег? С нами работать будешь. Заработаешь столько, что тебе и не снилось.

– Вы уроды. Больные. Не подходи ко мне, я выпрыгну, – выкрикнула Алиса, схватив рукой за твёрдую закраину окна и снова посмотрела на улицу.

Там опять пошёл снег, большие хлопья снега как слёзы. Они сыпали из низких серых облаков. Небо плакало вместе с ней. На Алису нахлынуло удручающее чувство заброшенности, как в детстве. Никому она не нужна. Даже полицейские не идут её спасать.

– Держи её, – визгливо вскрикнул длинноволосый.

Сэм сделал резкое движение в её сторону и крепко схватил руками. Дёрнувшись, Алиса сделала шаг. В руках у Сэма осталась только куртка.

Белая птица падала камнем вниз. Крылья ломались о ветки промёрзлых насквозь, ставших железными деревьев. Крик нарастал до бьющего по ушам визга смешиваясь с жуткой болью во всём теле.

– Тише. Тише, деточка, – откуда-то издали доносился ласковый голос.

Голос был хорошо знаком. Это тётя? Или ангел?

– Ей больно, поставьте укол, – молил кого-то голос.

– Сейчас поставлю, – отвечал не менее ласковый голос.

Боль уходила и крик затихал где-то внутри до следующего приступа боли.

Чьи-то ладони гладили по лицу рассеивая боль, страх и тревоги. Открывать глаза было больно, даже полумрак комнаты резал по глазам.

– Ирина, как она? – мужской вкрадчивый голос шёпотом спросил над ней.

– Сами не видите? – пытаюсь сдерживать гнев, тихо ответил женский.

– Я разговаривал с врачом, операция прошла успешно. Внутри ничего не повредила. Только кости сломаны. Хорошо, что деревья и сугроб смягчил падение, – горечь и сожаление звучали в его тоне, – Мы не думали, что они её схватят.

– Вы похоже вообще ничего не думали, – возмущённо пролетели слова над Алисой, – Маленькую девочку в логово бандитов отправили.

– Ирина, всё будет хорошо, – пролетело виновато с другой стороны.

– Вы всех поймали, а детей нашли? – спросил усталый женский голос.

– Да. И всё это благодаря Алисе. Девочки в порядке. Только накачены снотворным, они тут в больнице, а бандитов всех задержали, – произнёс ставшим горделивым мужской голос и перенёсся на ту же сторону откуда звучал женский, – Ирина, всё будет хорошо. Она девочка крепкая, быстро пойдёт на поправку.

Женский голос тяжело вздохнул:

– Я хотела её на каникулах куда-нибудь свозить. Раньше

мне её мать не давала. Заставляла на каникулах работать. Хотела порадовать мою малышку, а тут такое, – слёзы проскальзывали в каждом слове, казалось и слова слезами падают на её кровать.

– Ничего, мы на летних каникулах поедem, – уверенность сквозила в мужском голосе.

– Мы? – удивление зазвенело в женском.

– Да. Я вас на Байкал повезу. Поедем на машине. У меня друг на самом берегу живёт. Увидите какое это красивое место. Это море. Большое и прозрачное. Будем омуль ловить. Плавать. Увидите удивительных птиц. Бакланов и больших белых чаек.

Мужской голос перебиваемый женским удалялся и заглушался шумом набегающих на берег волн и криком чаек. Она смотрела сверху на прозрачную воду. Нет это не вода, такой прозрачной воды не бывает. Это воздух, который рябит от порывов ветра. И она в этом потоке воздуха. Летит и не падает. Два больших, сильных, белых крыла удерживают её, и она может свободно парить над прозрачной рябью бесконечного воздуха.